

А. А. ДАРБЕЕВА

О ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕННИЯХ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

При изучении языков, занимающих островное положение в иноязычной среде, обнаруживается своеобразие их развития. Именно в таких языках дольше сохраняются элементы более древнего состояния языка, и в то же время эти языки развиваются, активно реализуя потенциальные возможности своего родного языка, а также вбирая в себя элементы из языка окружающей среды. В этом отношении заслуживают внимания современные монгольские языки, носители которых расселены на территории СССР, МНР, КНР и Афганистана. Монголоязычные народы живут и компактно и изолированно. К группе изолированных монгольских языков относятся баоанский, дунсянский монгорский, дагурский в Китае и могольский в Афганистане. Из них только могольский язык выходит из употребления¹ — моголы, оказавшиеся на территории Афганистана, ассимилировались с местным населением и потому утрачивают свой язык.

Развитие изолированных языков складывается по-разному, в зависимости от численного состава их носителей и их общественно-экономического положения среди иноязычной среды, культурно-образовательного уровня носителей языка и т. д.; в то же время существование в отрыве от основного массива монголоязычных народов способствует возникновению в их языке тех или иных явлений под влиянием функционально соседствующего языка иной системы.

В частности, пример подобного развития можно наблюдать в области личных местоимений. Во всех монгольских языках имеются местоимения 1 и 2-го лиц обоих чисел (см. табл. 1).

Как видим из табл. 1, местоимения 1 и 2-го лиц ед. числа и 2-го лица мн. числа являются общими почти во всех монгольских языках². Корневая морфема инклюзивного местоимения 1-го лица мн. числа тоже является общей для всех монгольских языков. Различие между монгольскими языками обнаруживается в личных местоимениях 3-го лица.

В большинстве современных монгольских языков нет местоимений 3-го лица³. Их функцию выполняют указательные местоимения: энэ «этот», тэрэ «тот»⁴, в современном монгольском языке — *едегер*, *тедегер* и *еденер*, *теденер* «они». Вместе с тем монголисты отмечают наличие специальных местоимений 3-го лица в старописьменном монгольском языке еще в XIII—XIV вв. По их мнению, от личных местоимений 3-го лица ед. числа *i* «он», мн. число *a* «они» сохранились только формы род. падежа *inu*, *anu*, употребляемые ныне в качестве лично-притяжательных частиц и показателей подлежащего⁵; их называют иногда недостаточными, или дефектными, местоимениями 3-го лица⁶. По мнению Т. А. Бертагаева, показатели род. и вин. падежей представляют собой фонетическую модификацию одной праформы **-in > *-ini*, которая сближается с местоимением 3-го лица *in* «он» в дагурском языке⁷.

¹ См.: Л. Лигети, О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана, «Acta orientalia Hung.», IV, 1—3, 1955, стр. 100.

² См.: Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, I, М., 1953, стр. 145, 151.

³ Отсутствие местоимений 3-го лица не является особенностью только монгольских языков. В ряде языков мира функцию местоимения 3-го лица выполняют указательные (см. например: К. Е. Майтиска, Местоимения в мордовских и марийских языках, М., 1964). В некоторых же языках, наряду со специальными местоимениями 3-го лица в их значении употребляются указательные местоимения (см.: В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, М.—Л., 1962, стр. 230).

⁴ Ц. Б. Цыдендамбаев, Местоимения в монгольских языках. Автореф. канд. диссерт., М., 1951, стр. 7, 8.

⁵ Г. Д. Санжеев, Старописьменный монгольский язык, М., 1964, стр. 74.

⁶ Н. И. Поппе, Грамматика письменного-монгольского языка, М.—Л., 1937, стр. 81.

⁷ Т. А. Бертагаев, К генезису некоторых падежей в монгольских языках, «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», 83 — Монголоведение и тюркология, М., 1964, стр. 42, 44.

Таблица 1

Языки	Ед. число		Мн. число	
	1-е лицо «я»	2-е лицо «ты»	1-е лицо «мы»	2-е лицо «вы»
Классический	<i>bi</i>	<i>ci</i>	<i>biḍe ~ biḍa</i> (<i>biḍen ~ biḍan</i>)	<i>ma</i>
Современный мон- гольский	<i>bi ~ bi'</i>	<i>ci</i>	<i>biḍ, biḍ(e)n</i>	<i>mā</i>
Бурятский	<i>bi' ~ bi'</i>	<i>ši</i>	<i>biḍe, biḍenar</i> <i>mānar, mānad</i>	<i>mā</i>
Калмыцкий	<i>bi' ~ bi'</i>	<i>ci</i>	<i>biḍṇ, maḍṇ</i>	<i>mā</i>
Дагурский	<i>bi' ~ bi'</i>	<i>ši</i>	<i>bā, bəḍ</i>	<i>mā</i>
Монгорский	<i>bu</i>	<i>ci</i>	<i>budanḡula, budaseḡ,</i> <i>ndanḡula, ndāseḡ,</i> <i>budanse, buḍaṇtaṇ, ḍase,</i> <i>ḍatan</i>	<i>masse, tase</i>
Дунсянский	<i>bi</i>	<i>чы</i>	<i>biḍjiṇ, matan</i>	<i>mā</i>
Баоаньский	<i>bə</i>	<i>чэ</i>	<i>bəḍə</i> — инклюз. ф. <i>maṇḡə</i> — эксклюз.	<i>ma</i>
Могольский	<i>bi</i>	<i>ci</i>	<i>biḍa</i>	<i>mo ~ tot</i> <i>~ mod</i>

Из-за недостаточной разработанности истории монгольских языков сейчас трудно сказать, были ли местоимения *i* «он», *a* «они» в прошлом присущи всем монгольским языкам и диалектам. Из современных монгольских языков только в дагурском встречаются личные местоимения 3-го лица *in* «он», *an* «они». Дагурский язык занимает особое место среди других монгольских изолированных языков: значительная часть дагуров проживает в автономном районе Внутренней Монголии — Хулуобуйском аймаке (Северный Китай), т. е. в непосредственной близости с другими монголоязычными народами; другая часть — преимущественно в провинции Хэйлуцзян⁸. В целом дагуры контактировали с маньчжурами, так как по старому административному делению они проживали на территории Северной Маньчжурии. Это оставило определенные следы в их языке — Б. Я. Владимирцов считал дагурский «особым наречием монгольского языка, смешанным с маньчжурскими элементами»⁹. В самом маньчжурском языке много общего с монгольскими языками именно в области личных местоимений ед. числа, например: *bi* «я», *ci* «ты», *i* «он»¹⁰ (формы числа не совпадают). Можно предположить поэтому, что наличие местоимения *i* «он» в маньчжурском языке объясняется влиянием монгольских языков.

В области личных местоимений наблюдается сходство монгольских языков с нивхским, который, по мнению В. З. Панфилова, типологически и материально тяготеет к алтайским языкам. Во всяком случае, «в говорах амурского наречия западного побережья Сахалина наряду с местоимением *иф* „он“ употребляется также местоимение *и* „он“... В остальных говорах амурского наречия это местоимение выступает только в некоторых косвенных формах»¹¹.

⁸ Б. Х. Тодаева, Монгольские языки и диалекты Китая, М., 1960, стр. 9.

⁹ Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929, стр. 8.

¹⁰ Б. К. Пашков, Маньчжурский язык, М., 1963, стр. 30.

¹¹ В. З. Панфилов, указ. соч., стр. 230, см. также стр. 3, 58—59, 213—214. Ср. с соответствующими монгольскими также нивхское местоимение 2-го лица ед. числа *ч'и*.

Таким образом, личные местоимения 3-го лица *i* «он», *a* «они», встречающиеся в старописьменном монгольском языке XIII—XIV вв., сохранились только в дагурском языке, а из языков других систем — в вивхском и маньчжурском употребляется местоимение 3-го лица ед. числа *i* «он».

В других изолированных монгольских языках, например, в дунсянском и баоаньском тоже есть местоимения 3-го лица, например: в дунсянском *hə* «он», *həla* «они» и в баоаньском *нджаң*, *нога* (*ңаң*) «он», *нджаса*, *ногэла* (*ңаңла*) «они»¹². Личные местоимения 3-го лица в дунсянском и баоаньском языках не совпадают с местоимениями в других монгольских языках. По-видимому, процесс развятия личных местоимений 3-го лица в дунсянском и баоаньском происходил вне связи с другими монгольскими языками, так как дунсяне и баоане живут изолированно от основных групп монгольских народов на территории Китая (провинции Ганьсу и Цинхай) примерно с XIII в. По данным Б. Х. Тодаевой, баоане и дунсяне прекрасно владеют китайским, тибетским, дунганским языками, среди носителей которых они живут в течение ряда веков. При такой языковой ситуации вполне вероятно влияние иноязычной среды. Однако происхождение личных местоимений 3-го лица в дунсянском и баоаньском языках пока еще не ясно. Т. А. Бертагаев полагает, что дунсянское личное местоимение *hə* «он» (<*ə), *həni* (<*əni) является фонетической разновидностью дагурского местоимения 3-го лица *ін* «он», *ині* «его», причем оба они произошли от указательного местоимения *ə-na* «этот» (<*ə)¹³.

В баоаньском местоимения *нджаң*, *нога* (*ңаң*) «он» различаются «по пространственному признаку: *нджаң* указывает на близкое, а *нога* и *ңаң* — на далекое»¹⁴. Соответственность по пространственному признаку является семантическим свойством указательных местоимений, к которым во многих языках исторически восходят местоимения 3-го лица; возможно, местоимения 3-го лица в баоаньском имеют непосредственную связь с указательными местоимениями.

В баоаньском местоимении *ңаң* «он» примечателен инициальный *ң*, поскольку в монгольских языках заднеязычный *ң*, как правило, не употребляется в начале слова. В баоаньском *ң* в начальной позиции наблюдается в основном в заимствованных из тибетского языка, где *ң* может употребляться и в начальной и в конечной позициях; в дунганском языке, с носителями которых постоянно контактируют баоане и дунсяне, заднеязычный *ң* встречается только в начале слова¹⁵. Во всяком случае, звуковой облик местоимения 3-го лица в баоаньском языке свидетельствует о влиянии фонетической структуры немонгольских языков.

Иначе складывалось местоимение 3-го лица ед. числа в одном из говоров бурятского языка. Нижнеудинский говор бурятского языка, носители которого живут в СССР (в Иркутской области), можно считать изолированным говором: нижеудинские буряты уже около четырехсот лет живут обособленно в окружении русской языковой среды. Сто с лишним лет тому назад Кастреном зафиксировано в языке нижеудинских бурят особое личное местоимение 3-го лица *дһдһ*, мн. число *дһдһт*¹⁶. Однако местоимение *өөһэң* «сам», которое рассматривалось Кастреном как местоимение 3-го лица ед. числа, фактически совмещало в себе функции двух местоимений: 1) определительного местоимения «сам»: *Баабазмаа өөөһэң банидаа оржаана* «Сам наш отец моется в бане» и 2) местоимения 3-го лица «он»: *Өөөһэң бэсэрээ абыт'т'оо* «Он сам ушел». Местоимение *өөһэң* выполняет такие же функции в ряде западных говоров бурятского языка.

В нижеудинском говоре нами обнаружена новая форма личного местоимения *өөң* «сам», образовавшаяся от местоимения *өөһэң* в результате выпадения звонкого фарингального *h* в интервокальной позиции. Опущение отдельных фонем и даже слогов в слове представляет нередкое явление в монгольских языках; в результате выпадения звуков в начале, середине и в конце слова возникают фонетические варианты слов¹⁷. В ряде говоров бурятского языка наблюдается опущение *h* в слове на стыке разных морфем, например, вместо *гэр-һээ* «из дома», *хаана-һаа* «откуда» бурятского литературного языка в аларском, боханском, нижеудинском говорах произносится *гэр'ээ*, *хаан'аа*¹⁸. Опущение *h* в подобных случаях оставалось фонетическим факто-

¹² Б. Х. Тодаева, Дунсянский язык, М., 1961, стр. 27; е е же, Баоаньский язык, М., 1964, стр. 40.

¹³ Т. А. Бертагаев, указ. соч., стр. 42.

¹⁴ Б. Х. Тодаева, Баоаньский язык, стр. 44.

¹⁵ См.: А. Калимов, Дунганский язык, «Языки народов СССР», V, Л., 1968, стр. 476.

¹⁶ M. A. Castren, Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis, St.-Pb., 1857, стр. 26.

¹⁷ Т. А. Бертагаев, Морфологическая структура слова в монгольских языках, М., 1969, стр. 131.

¹⁸ См., например: И. Д. Бураев, Некоторые фонетические особенности говора аларо-унгивских бурят, «Исследование бурятских говоров», 2, Улан-Удэ, 1968, стр. 131.

ром, не затрагивающим другие уровни языка. Однако выпадение *h* в слове *өөһэн* в нижеудинском говоре показывает вторжение этой фонетической тенденции в сферу грамматической системы, а именно образование новой, специализированной формы местоимения 3-го лица, отделившейся от определительного местоимения *өөһэн* «сам». Здесь, таким образом, наблюдается грамматикализация фонетического явления¹⁹. Так появилось новое местоимение 3-го лица ед. числа, материально и функционально отличное от местоимения *өөһэн* «сам». В настоящее время можно считать, что *өөң* почти отпочковалось от *өөһэн*: последнее очень редко употребляется в функции личного местоимения 3-го лица в языке современных нижеудинских бурят, хотя в речи старшего поколения у одного и того же информанта может встретиться и *өөң* и *өөһэн* в значении местоимения 3-го лица. Так, в сказке «Оногой һокор» («Слепец Оногой») функцию местоимения 3-го лица выполняет *өөһэн*: *Өөөһэн каркаар обор б'ээгаа* «Он был слаб зрением», *Оногой һокор тоже бидэршэ б'ээн өөөдөөр* «Оногой һокор тоже ищет с ними вместе». А в сказке «Кор'оодой өбөгөн» («Старик Кор'оодой»), записанной от того же информанта, употребляется только *өөң*: *Өөң һэң буурладаа унаат, шонуушым удыжы ябытша* «Он, оседлав хорошего чалого скакуна, полетел вслед за волками»; *Ну-ка, би өөни тылы ырийтикам* «Ну-ка, я его вдребезги разнесу»; *Кор'оодой өбөгөн б'ээш, б'ээш буудым өөнйэ* «Старик Кор'оодой постоял, постоял да как стреллет!». И все же в бытовой речи лиц разных возрастов чаще всего употребляется *өөң*. Кроме того, личное местоимение *өөң* «он», утратив смысловую связь с определительным местоимением *өөһэн* «сам», не употребляется в значении местоимения «сам», например: *Өөң балаз шальбаа быш, но бар'аадаараа һэң мыхы, зугаалка* «Он не очень большой знаток языка, но по-бурятски понимает и разговаривает»; *Өөндө шинэ костюм уу* «Ему широк новый костюм»; *Би өөни караам* «Я видел его»; *Өөң тымды бээнэаң* «Он был там»; *Өөнйэ стөөли урда асраат хуулгаба* «Привели его и посадили за стол»; *Өөндө наоборот мангаар зугаалкаш* «С ним, наоборот, по-русски разговариваемь».

Определительное местоимение *өөһэн* «сам», утратив функцию личного местоимения, употребляется преимущественно в своем собственном значении, нередко в сочетании с местоимением *өөң*; например: *Өөң өөһэн эрээ* «Он сам пришел»; *Өөң өөһэн кылээ* «Он сам сказал»; *Павел Семенович өөһэн тымды ошоо* «Павел Семенович сам ходил туда». Специализация местоимения 3-го лица *өөң* и определительного местоимения *өөһэн* внесла изменения в характер сочетаемости последнего. В нижеудинском говоре наряду с *өөһэн* функционировало определительное местоименное слово *бэээрээ* «сам»; раньше, когда *өөһэн* могло выступать в функции местоимения 3-го лица, были допустимы сочетания типа *өөһэн бэээрээ* «он сам». В современном языке *бэээрээ* чаще всего употребляется в сочетании с местоимением 3-го лица *өөң* «он»; например: *өөң бэээрээ ошнааң* «Он давеча сам пошел»; *Өөң бэээрээ кон'оо бар'аа* «Он сам заколот овцу». В остальных случаях функционирует преимущественно определительное местоимение *өөһэн*, поскольку слово *бэээрээ* имеет ограниченное применение в языке. Происходит как бы функциональное замещение слова *бэээрээ* местоимением *өөһэн* после утраты последним роли личного местоимения 3-го лица.

Форма мн. числа личного местоимения *өөң* будет *өөт*. Например: *Өөт һэң буурлым ыдыбээр муу буурлым ыдэат ябыт'тээ гыны* «Он говорит, что они съели не хорошего чалого скакуна моего, а плохого»; *Өөшый һэң буурладаа унаат нидэшым тымар кушаат кайит'тэм* «Я, сев на хорошего чалого скакуна, догнал их (ворон) и выколол им глаза».

Функциональная дифференциация определительного местоимения *өөһэн* и личного местоимения 3-го лица *өөң* произошла под влиянием русского языка, в котором имеется местоимение *он*. Постоянное функциональное взаимодействие русского и бурятского языков создало благоприятную почву для распространения бурятско-русского двуязычия среди нижеудинских бурят. Появление личного местоимения *өөң* в нижеудинском говоре мы хронологически связываем с распространением двуязычия среди носителей этого говора. Когда двуязычному буриту понадобилось создать в своем языке такую форму личного местоимения 3-го лица, которая соответствовала бы местоимению *он* в русском языке, для этого были использованы внутренние возможности родного языка, в том числе фонетическая тенденция — выпадение фарингального *h* в интервокальной позиции. В результате частого употребления местоимения *өөһэн* (в функции местоимения 3-го лица) выпал целый слог и образовалось *өөң*, функционально соответствующее русскому местоимению *он* и в известной степени даже

¹⁹ Э. А. Макаев, рассматривая взаимодействие разных уровней языка, отмечает, что «на любом этапе развития любого языка можно наблюдать развертывание фонетических явлений в грамматические, синтаксические в морфологические, лексические в грамматические, причем наиболее характерными оказываются процессы грамматизации и лексикализации» (см. его статью «Понятие системы языка», «Уч. зап. [1-го МГПИИЯ]», XI, 1957, стр. 12).

созвучное ему ²⁰. Таким образом, русский язык оказался катализатором ²¹ по отношению к нижеудинскому говору, в котором были предпосылки для отпочкования местоимения 3-го лица от определительного местоимения *өөхэң*.

Итак, изучение развития личных местоимений 3-го лица в изолированных монгольских языках и говорах показывает, что эволюционные процессы в них продолжаются не только за счет заимствований, но при этом используются и внутренние возможности языка. В этом смысле можно говорить о гармоничном взаимодействии внешних и внутренних факторов в развитии языка ²².

²⁰ В период посещения Кастреном нижеудинских бурят в 1845 г. в их языке еще не было местоимения *өөң*.

²¹ Э. А. Макаев пишет: «Если предпосылки имеются уже в самом языке, то язык, который оказывает влияние, может оказаться катализатором, помогающим развернуться соответствующему явлению, уже заложенному в данном языке» (Э. А. Макаев, Вопросы синтаксиса индоевропейских языков, «Уч. зап. [1-го МГПИИЯ]», VII, 1955, стр. 24).

²² О взаимодействии внешних и внутренних факторов см.: J. V a s h e k, On the interplay of external and internal factors in the development of language, «Lingua», XI, 1962, стр. 433—448.